

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

UDC 811.161.1(470.345)
LBC 81.411.2

Submitted: 11.11.2019
Accepted: 27.03.2020

DEVERBATIVES IN RUSSIAN DIALECTS SPOKEN ON THE TERRITORY OF MORDOVIA

Elvira N. Akimova

The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Tatiana I. Mochalova

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

Abstract. The article deals with deverbatives (names of actions) represented in Russian dialects spoken on the territory of the Republic of Mordovia. The research aim is to describe semantic peculiarities and uniqueness of the word formation and morphemic structure of the nouns belonging to this class. Deverbatives are considered as syncretic unities that are built by merging the grammatical features of both a verb and a noun, typical of the Russian language. The deverbative origin results in preserving the semantics of an abstract action; according to their semantic structure, they can be divided into two main groups: the actions performed by human beings and the ones without their participation. The latter are animals' and birds' motions, natural phenomena, stages in a process or time intervals. It is noted that some language units are subjected to specialization of lexical meaning, processual semantics loss and are used to nominate an object, place or time of action. Deverbatives have been characterized as demonstrating underdeveloped system of paradigmatic relations. They are derived of national and dialectal verbal stems in full accordance with the general Russian word formation rules and models, including the most productive morphological pattern with its suffixal and zero affixation variants, and the least productive ones, as prefixation-suffixation and complex suffixation. Since deverbatives are closely connected with intellectual human activity, worldview and reality awareness, they constitute unique fragments of dialectal mentality.

Key words: Russian language, dialect, deverbative, names of action, derivative, verb, semantics, lexical semantic group.

Citation. Akimova E.N., Mochalova T.I. Deverbatives in Russian Dialects Spoken on the Territory of Mordovia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2020, vol. 19, no. 3, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

УДК 811.161.1(470.345)
ББК 81.411.2

Дата поступления статьи: 11.11.2019
Дата принятия статьи: 27.03.2020

ДЕВЕРБАТИВЫ В РУССКИХ ГОВОРАХ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Эльвира Николаевна Акимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

Татьяна Ивановна Мочалова

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева,
г. Саранск, Россия

Аннотация. В работе описываются девербативы, представленные в русских говорах Мордовии. Цель исследования – охарактеризовать особенности их лексической семантики и своеобразие морфемной и словообразовательной структур. Девербативы рассматриваются как синкретичные для грамматического

строю русского языка образования, совмещающие свойства глагола и существительного. Отглагольное происхождение обуславливает сохранение семантики отвлеченного действия: в изучаемых диалектах отмечены девербативы, называющие действия, производимые человеком, и действия, не связанные с ним (движения птиц, животных, явления природы, этапы протекания процесса или временные промежутки и др.). Показано, что некоторые языковые единицы претерпевают конкретизацию лексического значения, утрачивают процессуальную семантику и используются для номинации предмета, места или времени осуществления действия. Установлено, что девербативы характеризуются слабо развитой системой парадигматических связей; образуются от глагольных общенародных или диалектных основ в соответствии с общерусскими закономерностями и по моделям, известным литературному языку. Выявлено, что наиболее продуктивен морфологический способ словообразования в суффиксальной и безаффиксной разновидностях, непродуктивны – префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы. Отглагольные существительные, будучи тесно связанными с интеллектуальной деятельностью человека, его мироощущением, отношением к окружающей действительности, представляют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

Ключевые слова: русский язык, диалект, девербатив, имена действия, дериват, глагол, семантика, лексико-семантическая группа.

Цитирование. Акимова Э. Н., Мочалова Т. И. Девербативы в русских говорах на территории Республики Мордовия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 3. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.2>

Введение

Изучение отглагольных существительных имеет глубокую лингвистическую традицию.

Девербативы привлекают внимание ученых прежде всего потому, что в этих синкретичных образованиях находят отражение глагольные категории, в частности вид и залог. Так, А.Х. Востоков писал, что «в существительном отглагольном теряется означение времени... но сохраняется вид глагола, неокончательный, совершенный и многократный, например чтение, прочтение, читывание» [Востоков, 1831, с. 73]. А.М. Пешковский также обращал внимание на взаимодействие имени и глагола в сфере категории вида: «В той или иной мере категория вида оказывается свойственной и существительным, и в соответствующей мере мы можем говорить здесь о смешении существительного с глаголом» [Пешковский, 1956, с. 112]. Однако В.В. Виноградов подчеркивал, что «различия в длительности здесь не имеют ничего общего с видовыми значениями глаголов» [Виноградов, 1986, с. 104]. Солидарен с ним П.В. Булин: «Поскольку имена действия в словообразовательном плане мотивируются глаголами, в ряде случаев включают в свою структуру глагольные суффиксы, образуются от глаголов как совершенного, так и несовершенного вида, имеют значение процесса, то, ес-

тественно, возникает вопрос об их отношении к категории вида глагола» [Булин, 1970, с. 93]. При этом автор отмечает, что отглагольные существительные на *-ние*, которые не осложнены суффиксами *-ива-*, *-ыва-*, *-ва-*, не только не имеют видового значения, но и лишены каких-либо видовых оттенков значения и соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида [Булин, 1970, с. 93]. Такую особенность девербативов описал еще А.А. Потебня, указав, что существительные на *-ние*, *-тие* «сами по себе безразличны относительно совершенности и несовершенности» [Потебня, 1958, с. 344–345], а соотносительность имен на *-ние*, *-тие* по характеру действия с глаголами совершенного или несовершенного вида зависит от контекста.

Суть проблемы видовых значений и видовых различий отглагольных существительных, по мнению В.Н. Хохлачевой, состоит в том, что неясно, являются ли они категориальными свойствами самих слов или возникли «в отраженном свете реализации словообразовательных отношений и к собственно категориальным проблемам не принадлежат» [Хохлачева, 1969, с. 44]. Как считает Л.Г. Свердлов, лишь исторический аспект изучения отглагольных существительных может дать верный ответ на вопрос о возможности выражения видовых значений существительными на *-ние*, *-ение*, *-тие*. Иссле-

дую такие девербативы в русском литературном языке XVIII в., он приходит к выводу, что для этого периода различие видовых оттенков у существительных на *-ние*, *-ение*, *-тие* было актуально [Свердлов, 1962, с. 12].

Как видим, в научной литературе неоднозначно решается вопрос о характере проявления грамматической категории вида у девербативов. На наш взгляд, у них можно усмотреть сохранение имплицитных особенностей реализации действия, что прежде всего обусловлено глагольным происхождением и наличием в их структуре аффиксов, способных формировать представление о многократности, длительности обозначаемого процесса (*проговаривание*, *чтение* и т. п.). Грамматические признаки имени существительного (род, число, падеж) у них эксплицированы.

Не меньше споров до сих пор вызывает проблема отражения в девербативах категории залога. Об этой проблеме писал еще А.М. Пешковский, который пришел к выводу, что отглагольные существительные ни в какой мере не соприкасаются с данной категорией [Пешковский, 1956, с. 47]. Напротив, Е.В. Болотова говорит о сохранении отглагольными существительными залоговых значений, считая, что в существительных типа *творец* и *заявитель* отражен действительный залог (тот, кто совершает действие), а в словах типа *вкладыш* (то, что вложено), *сочинение* (то, что сочинено) – страдательный [Болотова, 2003, с. 14]. Как проявление залоговых свойств существительных на *-ние* она рассматривает использование при этих субстантивах родительного падежа, а доказательством – возможность трансформации таких словосочетаний в соединении с объектом в предложение действительного или страдательного залога [Болотова, 2003, с. 15].

По мнению А.В. Петрова, «сам факт залоговой соотносительности имен говорит о том, что залоговое значение у них существует, но материализуется имплицитно, определяется у имени семантически» [Петров, 1983, с. 29]. Автор приводит примеры существительных на *-е/ние*, которые соотносятся с глаголами действительного и возвратно-среднего залогов и отражают их семантико-грамматическую противопоставленность.

Многие лингвисты отмечают специфику сочетаемости девербативов. Так, В.П. Казаков выявил возможность отглагольных существительных сочетаться с относительными прилагательными, рассмотрев такие сочетания не только с точки зрения «выражения согласованным определением субъектных, объектных, обстоятельственных значений, но и с точки зрения реализации глагольных валентностей отглагольных существительных» [Казаков, 1982, с. 84]. Автор отмечает, что новым в синтаксисе словосочетания является трансформация сочетаний отглагольных существительных с относительными прилагательными в предложно-падежной конструкции. При этом относительные прилагательные могут выражать разнообразные отношения.

В наших работах на примерах памятников письменности XI–XVII вв. было показано, что отвлеченность и особенно отглагольность существительных в предложно-падежных сочетаниях со значением обусловленности предполагают их развертывание в предикативный центр придаточной части: *Ти видящее, яко многашиьды лишаемъ суци литургии, проскурнаго ради непечения, жаяшиси о томъ зъло* (ЖФП, с. 312) – «И, узнав, что часто не бывает литургии, так как *некому* печь просфоры, очень опечалился»; *оставили в живых для пути* (Петр Первый, т. 4, с. 456) – «оставили в живых, чтобы использовать в пути» [Акимова, 2006, с. 51].

Усиление предикативности отглагольных имен и увеличение их количества связаны с особой важностью имени в языке после XIV в. и с необходимостью возмещения разрушенной системы глагольных форм. «Отглагольные имена заменяют собой целое высказывание» [Колесов, 1989, с. 72].

Подробно изучены в научной литературе средства образования отглагольных существительных. Так, Л. Якимова затрагивает вопрос о способах деривации существительных и влиянии аффиксов на лексическое значение производных. Автор отмечает, что в современном русском языке отглагольные существительные обладают развитой системой суффиксов: *-ни-*, *-ени-*, *-к-*, *-ацй-*. Значительно меньшее количество таких существительных образуется безаффиксным способом. Если существительные созданы при помощи

приставок, то приставки не влияют на конкретизацию семантики отглагольных существительных, но могут обозначать процесс как результативный, недлительный [Якимова, 1966]. Э.А. Балалыкина отмечает, что в процессе деривации у отглагольных существительных появляются словообразовательные значения носителя процессуального признака и отвлеченного процессуального признака [Балалыкина, 1985, с. 9].

Отглагольные существительные исследуются также на диалектном материале [Бромлей, Булатова, 1972; Галуза, 2013; и др.]. Ю.С. Азарх указывает на то, что в диалектах слова на *-нь* можно разделить на тематические группы, неизвестные литературному языку (обозначение состояния человека, природы, названия лиц и животных по отрицательному признаку, вещей, пришедших в негодность), и что «их семантика как словообразовательного типа уже не мотивируется производящей глагольной основой, а обусловлена их грамматической формой, принадлежностью к определенному типу словоизменения» [Азарх, 1984, с. 18–19].

Отглагольные существительные изучаются лингвистами в разных аспектах, признается синкретичный характер девербативной лексики [Бастракова, 2016; Долженко, 2005; Егорова, 2009; и др.], но многие вопросы до сих пор остаются спорными и требуют дальнейшей разработки. Так, не получили детального рассмотрения особенности образования девербативов в системе говоров, внутридиалектные и междиалектные различия, формирующиеся в процессе их деривации, а также сопутствующие морфонологические изменения; требуют освещения с опорой на современные методы проблемы семантического анализа отглагольных существительных, семантическое варьирование слова в диалектной среде, ментальные и культурно-исторические коннотации отглагольных лексем и др. Кроме того, недостаточно полно с позиций динамического подхода к системе частей речи и когнитивно-дискурсивного направления представлен материал, позволяющий определять отношения между глаголом и существительным в аспекте диалектного словообразования.

Объектом нашего исследования являются девербативы со значением отвлеченного действия (имена действия), зафиксированные в «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (далее – СРГРМ). Они составляют неоднородную в содержательном и структурно-грамматическом отношении лексико-семантическую группу. Цель исследования – охарактеризовать особенности лексической семантики и своеобразие морфемной и словообразовательной структур существительных такого типа. На материале русских говоров Мордовии нами изучались различные семантические объединения диалектной лексики [Акимова, 2011; Мочалова, 2008; 2010; и др.], однако девербативы объектом специального рассмотрения не становились. Актуальность исследования определяется прежде всего обращением к анализу языковых единиц, которые позволяют выразить абстрактную лексическую семантику с учетом различных коммуникативных потребностей говорящего, репрезентируют национальную концептосферу посредством особых форм той или иной части речи. В аспекте таких приоритетных направлений современной лингвистики, как антропоцентрическое, функциональное и когнитивное, язык предстает динамической системой, позволяющей осмыслить механизмы взаимосвязи и взаимодействия в речемыслительной деятельности человека языковых единиц и категорий разного уровня.

Материал и методы исследования

Структурно-семантический и семаологический подходы к анализу материала делают возможным исследование системных отношений на основе одной лексико-семантической группы. В работе применялись различные приемы и методы научного исследования. Основными являются: описательный метод для представления материала, извлеченного в результате сплошной выборки из «Словаря русских говоров на территории Республики Мордовия»; компонентный анализ лексических единиц для установления их системных иерархических связей и выявления парадигматических отношений между ними; метод контекстного анализа для характеристики плана содержания имен дей-

ствия. Кроме того, в работе был использован метод лингвокультурологической интерпретации.

Результаты и обсуждение

Лексико-семантическая характеристика девербативов

В СРГРМ использованы разные способы лексикографического описания девербативов. Это связано с тем, что значение отглагольных существительных часто бывает настолько близко к значению соотносительного глагола, что словари не толкуют их как самостоятельные, а отсылают к толкованию исходного глагола: *обналичка* – ‘действие по глаголу обналичить’, *окосячка* – ‘действие по глаголу окосячить’, *пырьба* – ‘действие по глаголу пыряться’, *пробой* в 1-м знач. – ‘действие по глаголу пробивать’, *садка* – ‘действие по глаголу сажать, посадка’ и т. п. Например:

- (1) Каза уминя и телкь, **пырбу** устроют, аш индь матреть страшнь (Кулишейка, Рузаевский район);
 (2) Кака мне **саткь** картошкь, кагда я сафсем плохая здельльсь (Суподеевка, Ардатовский район).

Словарная статья может строиться описательно, при этом значение диалектного слова передается посредством семантического эквивалента общенародного языка: *заснимка* – ‘съемка, фотографирование’, *уход*, *убор* во 2-м знач. – ‘уборка, наведение порядка’, *повалка*, *порубь* – ‘рубка леса’, *мытво* – ‘мытье’ и др. Например:

- (3) **Заснимку** дельли боброх (Такушево, Теньгушевский район).

Л. Якимова отмечает, что отглагольные существительные представляют основной массив категории абстрактности в русском языке [Якимова, 1966]. В диалектной среде значение отвлеченного действия могут передавать не только собственно девербативы, но и существительные, не имеющие соотносительного глагола. К таким образованиям можно отнести собственно диалектные слова (*рубон* – ‘принятие пищи’, *мургуч* – ‘угощение со спиртными напитками, устраиваемое в качестве вознаграждения за что-либо’, *распо-*

лоха в 1-м знач. – ‘раскулачивание’), общенародные слова, претерпевшие в системе говора семантические изменения (*сок²* – ‘снятие коры с липы’).

Как и в литературном языке, у девербативов в диалектной речи может утрачиваться семантика действия и тогда они становятся названиями предметов реальной действительности (*постройка*, *прическа*, *остановка* и т. п.). Например, существительное *перемылочка* обозначает ‘смену белья’, при этом слово номинирует не процесс переодевания, а комплект одежды, что подтверждает и приводимый иллюстративный материал:

- (4) Мать, а ты пайдеш в баню, другую **пиримывьчку** надень (Барахманы, Большеигнатовский район).

Девербативы могут называть как само действие, так и его результат, например *обналичка*, *окосячка*, *пробой* и т. п.:

- (5) **Укосячку** здельют, дельют **убналичку** внутриннюю и внешнюю. Праемы в ызбе здельит – дельют **укасячку**. Вы што прьбывали косу-ть, што нет, **пробоя** вофси ни виднь (Суподеевка, Ардатовский район).

В приведенном примере дериваты обозначают результат действия. Н.Г. Долженко при рассмотрении подобных образований указывает, что «отглагольные дериваты, у которых развивается конкретное значение, обозначают обычно результаты мотивирующего действия, то есть конкретные предметы, продукты (то, что получилось) в результате действия, обозначаемого производящим глаголом» [Долженко, 2005, с. 107]. Девербативы в результате утраты процессуальной семантики могут употребляться для номинации места или времени осуществления действия, например *повалка* – ‘рубка леса’ и ‘место, где рубят лес’, *жнивье*, *жница*, *жнитво* – ‘уборка хлебов’ и ‘время уборки хлебов’:

- (6) Шуркь-ть уш цэлу ниделю нь **пъвалки** рабобьт (Елизаветинка, Большеберезниковский район);
 (7) Пажар случилси в **жнитво**, диревня пустая была, фсё згарель (Кулишейка, Рузаевский район).

Диалектные девербативы разнообразны в семантическом отношении. В их составе можно выделить следующие подгруппы.

I. Существительные, передающие действия человека. Эта подгруппа многочисленна:

а) существительные, характеризующие физиологические процессы, особенности умственной, коммуникативной деятельности человека: *лягомо* во 2-м знач. – ‘лежание’, *расказиши* – ‘словесное изложение каких-либо событий, рассказ’, *каляканце* – ‘разговор, болтовня’, *рубон* – ‘принятие пищи’, *воп* – ‘громкий плач, вопль’ и др. Например:

(8) Нивесть с **вопъм** замуш идет (Нижняя Верченка, Старошайговский район);

(9) Любили мы страшны **расказиши** слушьть (Пурдошки, Темниковский район);

б) существительные, называющие особенности сельского труда, хозяйственной деятельности человека, его профессиональные обязанности: *обор*¹ – ‘обирание, сбор (грибов, ягод, орехов)’, *садка* – ‘действие по глаголу сажать, посадка’, *жнитво*, *жница* – ‘уборка хлебов’, *рытво* – ‘рытье’, *отёсок* – ‘обтесывание бревна’, *повалка*, *порубь* в 1-м знач. – ‘рубка леса’, *убор* во 2-м знач., *уход* – ‘уборка, наведение порядка’, *повой* (устар.) – ‘оказание помощи при родах’, *заснимка* – ‘съемка, фотографирование’ и др. Например:

(10) Мыть станиш – пьмети сначала пол, а то соръм ни **мытво** (Пушкино, Ромодановский район);

(11) Уехъл он послѣ картошьнъвъ **рытва** (Суподеевка, Ардатовский район);

(12) **Жниць** на палях нъчилъсь (Апраксино, Чамзинский район);

(13) Кума, да ты пади закончила **абор** вишькъ? (Смольково, Лямбирский район);

в) существительные, указывающие на социально значимые действия человека, его взаимоотношения и поведение в обществе: *дельба* – ‘раздел, распределение’, *убойство* – ‘преступное лишение жизни кого-либо, убийство’, *ходка* – ‘движение по определенному маршруту’, *дожинки* во 2-м знач. – ‘помощь, оказанная кому-либо при окончании жатвы’, *застой* – ‘защита, заступничество, поддержка’, *неладуха*, *неужитки* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, *рукобитъё* – ‘первое знакомство родственников жениха и невесты’. Например:

(14) Къль ф семье **ниужитки**, прапаша дель (Сналеевская Пятина, Инсарский район);

(15) Фчѣра у них **рукабитъи** былъ (Силино, Ардатовский район);

(16) Оне тут жыли брат с сестрой в одном доме, **ниладуха** тут у них была, ругались (Суподеевка, Ардатовский район);

(17) Он ат ние фсягда **застой** пълучат – недаръм, што сын (Такушево, Теньгушевский район);

(18) Фсей симьей нъ **дажынки** ухадѣли (Усыкино, Инсарский район);

(19) По три **хотки** здельли и фсю капусту принесли (Суподеевка, Ардатовский район);

(20) Нуш если када дагонит, **убойствъ** можът быть (Марьевка, Торбеевский район);

(21) В **ръспалоху** фсе сило разъехълъсь (Новоямская Слобода, Ельниковский район);

(22) А кады помир свекър, нъчилъсь между ними **дилъба**, дом – брату, а двор съ скатиной – мне (Ефаево, Краснослободский район).

II. Существительные, характеризующие определенные этапы осуществления какого-либо действия, особенности его протекания, временные отрезки: *заначка*¹, *зачин* – ‘начало какого-либо действия’, *кончина* – ‘окончание, доведение чего-нибудь до конца’, *задоржка* – ‘промедление, задержка’, *мешкота* – ‘промедление’, *отдыхание* – ‘отдых’, *отдышка* – ‘перерыв в работе’, *поддых* – ‘перерыв в работе’, *отнечка* – ‘обоснование отказа’, *переполоха* – ‘внезапное смятение, тревожная суэта, переполох’. Например:

(23) С **канчыны** и выпить ни мишат (Красногорное, Чамзинский район);

(24) Фсе давно уехълѣ, а у нас **задоршка** вышла (Тарханово, Ичалковский район);

(25) **Заначка** удачнъ была, значит, фсе палучищъ! (Кулишейка, Рузаевский район);

(26) **Зачин** харошый был (Гумны, Краснослободский район);

(27) Када сеф идет, **мишката** домъ астаецъ, снарофкъ нужна на севи-тъ (Кулишейка, Рузаевский район);

(28) Оне гогочут тут, како мне **уддыханья** (Суподеевка, Ардатовский район);

(29) Хватит работъть, типерь **адышкъ** (Дубасово, Zubovo-Polyanskiy район);

(30) **Атнечку** тваю мне ни нады, ладнъ уш (Константиновка, Ромодановский район);

(31) Ну и **пирпалохи** были. Везде **пирпалохи** и гъладофкъ в вайну (Стрелецкая Слобода, Рузаевский район);

(32) Давай здельим **паддых** (Ирсеть, Старошайговский район).

III. Существительные, характеризующие различные явления природы, окружающей человека действительности: *капёж* – ‘падение с крыш, деревьев тающего снега каплями’, *воспаренье* – ‘испарение’. Например:

(33) Типло, нь палях **въспаренья** ньчилося (Тазино, Большеберезниковский район);

(34) На крышы снек растаил, а то шел се **капеш**, и в ызбе **капеш** (Суподеевка, Ардатовский район).

IV. Существительные, связанные с обозначением действий птиц и животных: *улёт*¹ – ‘отлет птиц’, *пырба* – ‘действие по глаголу пыряться’. Например:

(35) **Улёт** нынишну осинь позний (Рязановка, Старошайговский район);

(36) Каза уминя и телкь, **пырбу** устроют, аш индь матреть страшнь (Кулишейка, Рузаевский район).

Эта группа отглагольных существительных в исследуемых диалектах малочисленна.

Девербативы, как правило, являются моносемантическими и не развивают в системе диалекта производные прямые и переносные значения. Однако некоторые существительные имеют несколько значений: при этом в смысловой структуре таких полисемантов содержится указание на действие и его результат (*убор* в 1-м знач. – ‘порядок, чистота’, во 2-м знач. – ‘уборка, наведение порядка’), действие и предмет по действию (*пробой* в 1-м знач. – ‘действие по глаголу пробивать’, во 2-м знач. – ‘наковаленка для отбивания косы’), действие и место его осуществления (*порубь* в 1-м знач. – ‘рубка леса’, во 2-м знач. – ‘место, где вырублен лес; вырубка’; *лягомо* в 1-м знач. – ‘постель’, во 2-м знач. – ‘лежание’), действие и время его осуществления (*дожинки* в 1-м знач. – ‘последний день жатвы и праздник по этому поводу’, во 2-м знач. – ‘помощь, оказанная кому-либо при окончании жатвы’).

Единичные девербативы имеют омонимичные образования: *обор*¹ – ‘обираение, сбор (грибов, ягод, орехов)’ и *обор*² – ‘оборка, волан’, *улёт*¹ – ‘отлет птиц’ и *улёт*² – ‘земельный участок, равный 0,2 гектара’, *заначка*¹ – ‘начало какого-либо действия’ и *заначка*² – ‘потайной карман’.

Таким образом, девербативы, образующие неоднородную в семантическом плане группу слов в русских говорах Мордовии, отражают результаты познавательной деятельности представителей территориально замкнутого социума, особенности мировосприятия человека и репрезентируют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

Морфемная и словообразовательная структура девербативов

Девербативы в русских говорах на территории Республики Мордовия образуются от глагольных общенародных или диалектных основ в соответствии с общерусскими словообразовательными закономерностями. Наиболее распространены производные от общенародных глаголов разных лексико-семантических групп: *мытво* ← *мыть*, *садка* ← *сажать*, *капёж* ← *капать*, *повалка* ← *повалить* и др. Реже в качестве производящей базы выступают диалектизмы: *заначка*¹ – ‘начало какого-либо действия’ (*заначить* – ‘приступить к какому-либо делу’), *задоржка* – ‘промедление, задержка’ (*задорживать* – ‘задерживать’).

Девербативы в русских народных говорах образуются различными способами в рамках морфологического словопроизводства по моделям, известным литературному языку.

Для образования диалектных девербативов наиболее продуктивным является морфологический способ в суффиксальной и безаффиксной разновидностях. В процессе деривации используются, как правило, суффиксы общенародного языка, представленные в порядке убывающей регулярности: *-к-*, *-тв-*, *-б-*, *-ениј-*, *-ниј-*, *-нј-*, *-тј-*, *-иј-*, *-в-*, *-чк-*, *-иц-*, *-ёж-*, *-ль-*, *-ух-*, *-от-*, *-ом-*, *-ств-*. Наиболее частотным оказался суффикс *-к-*, образующий девербативы как от приставочных, так и от бесприставочных глаголов: *нагон/к/а* ← *нагонять*, *сад/к/а* ← *сажать*, *засним/к/а* ← *заснимать*, *повал/к/а* ← *повалить*, *ход/к/а* ← *ходить*, *дожин/к/и* ← *дожинать*, *задорж/к/а* ← *задоржать*, *отдыш/к/а* ← *отдышаться*, *пар/к/а* ← *парить*, *разгул/к/а* ← *разгуляться*, *занач/к/а* ← *заначить*, *помож/к/а* ← *помогать* и др. Как отмечает Л.П. Крысин, аффиксы отглагольных существительных абстрактны, поскольку имеют некий обобщен-

ный смысл и не могут указывать на какой-либо конкретный предмет [Крысин, 1998, с. 26].

Об отглагольных существительных с менее продуктивным формантом *-тв-* пишет И.В. Горелова, которая отмечает, что он не был продуктивным уже в праславянском языке, она выделяет значения действия (состояния) или результата у существительных с *-тва* [Горелова, 1974, с. 26], ее наблюдения подтверждают и лексикографические данные, например репрезентация в СРГРМ существительных с аффиксами *-тв-* (*мы/тв/о* ← *мыть*, *ры/тв/о* ← *рыть*), *-итв-* (*жн/итв/о* ← *жаты*), *-ств-* (*убой/ств/о* ← *убить*), *-тств-* (*руга/тств/о* ← *ругать*).

По аналогии с общерусской словообразовательной моделью *стрель/б/а* ← *стрелять* при помощи суффикса *-б-* в диалектной среде образуются такие существительные, как *пырь/б/а* – ‘действие по глаголу пыряться’, *дель/б/а* – ‘раздел, распределение’.

В исследуемых говорах зафиксированы немногочисленные образования, при деривации которых использовались суффиксы *-ениј-*, *-ниј*, *-нј-*, *-тј-*, *-иј-*: *отдыха/ни/е* ← *отдыхать*, *воспар/ень/е* ← *воспарить*, *руга/нь/е* ← *ругать* и др. При этом в говорах происходит их стяжение в *-тье*, *-нье*.

Отмечены единичные случаи образования девербативов при помощи других аффиксов: *-в-* / *-в’-* (*добы/вь* ← *добывать*, *доби/в/а* ← *добить*), *-чк-* (*отне/чк/а* ← *отнекиваться*), *-от-* (*мешк/от/а* ← *мешкать*), *-ёж* (*кап/еж* ← *капать*), *-ом-* (*ляг/ом/о* ← *лежать*), *-ль* (*мни/ль* ← *мнить*), *-ух-* (*рассед/ух/а* ← *расседься*), *-иц-* (*жн/иц/а* ← *жаты*).

Продуктивным для диалектной системы оказалось безаффиксное словообразование на базе глагольных основ: *обор*¹ ← *обирать*, *пробой* ← *пробивать*, *убор* ← *убрать*, *уход* ← *ухаживать*, *воп* ← *вопить*, *зачин* ← *зачинать*, *помык* ← *помыкать*, *уезд* ← *уезжать*, *порубь* ← *порубить* и др. О.Ю. Галуза, исследуя отглагольные образования говоров Приамурья, также указывает на то, что безаффиксное образование существительных – «живой и продуктивный способ пополнения словарного состава» [Галуза, 2013, с. 26].

В ряде случаев в структуре диалектного девербатива можно наблюдать отличия от соотносительного глагола: присоединение при-

ставки или добавление иного префикса (ср.: *за/стой* – ‘защита, заступничество, поддержка’ и *стоять*), отличие в префиксе (ср.: *под/прек* – ‘укор, упрек’ и *упрекать*, *под/мога* – ‘помощь’ и *помогать*). Заметим, что В.В. Лопатин делит такие отглагольные существительные на две группы: 1) имена, для которых в языке вообще нет однокоренного глагола с тем же префиксом, и сюда относится небольшое количество слов; 2) имена, для которых есть глаголы с тем же префиксом, но эти префиксы не соотносятся между собой, так как в именах не выражается значение, характерное для соответствующего глагола [Лопатин, 1977].

Единичными примерами представлен префиксально-суффиксальный способ (*не/лад/ух/а* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, то есть *не ладить*; *не/ужи/тк/и* – ‘плохие взаимоотношения, ссоры’, то есть *не ужиться*) и сложносуффиксальный способ (*рук/об/и/ть/е* – ‘первое знакомство родственников жениха и невесты’, то есть *бить*, *ударить по рукам*).

Заключение

Девербативы – это синкретичные образования в грамматическом строе современного русского языка, сочетающие в себе признаки как глагола, так и имени существительного. Они представляют достаточно обширную и неоднородную в структурно-семантическом плане группу. Отглагольное происхождение обуславливает сохранение в них процессуальной семантики, имплицитное выражение характера протекания действия. Диалектные девербативы обозначают отвлеченные действия, которые совершаются живыми существами (человеком, животными, птицами), производятся предметами или происходят в окружающем мире. Наиболее многочисленна группа слов, характеризующих физические, физиологические, профессиональные действия человека, его социальные функции, эмоциональные реакции, особенности интеллектуальной деятельности и др. В говорах значение отвлеченного действия могут передавать не только девербативы, но и существительные, не имеющие соотносительного глагола: собственно лексические и лексико-семантические диалектизмы.

Девербативы представляют один из древнейших словообразовательных типов. Это проявляется, в частности, в том, что для диалектного словообразовательного строя большой продуктивностью характеризуется суффикс *-к-*, а не суффикс *-ниј*, как в литературном языке. Девербативы образуются различными способами в рамках морфологического словопроизводства по моделям, известным литературному языку. Наиболее продуктивным является морфологический способ в суффиксальной и безаффиксной разновидностях. Непродуктивными оказались префиксально-суффиксальный и сложносуффиксальный способы.

Отглагольные существительные тесно связаны с интеллектуальной деятельностью человека, его мироощущением, отношением к окружающей действительности и представляют уникальный фрагмент диалектной языковой картины мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азарх Ю. С., 1984. Словообразование и формобразование существительных в истории русского языка. М. : Наука. 247 с.
- Акимова Э. Н., 2006. Реализация категории обусловленности в языке памятников письменности русского средневековья (XI–XVII вв.). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та. 240 с.
- Акимова Э. Н., 2011. Диалектные фразеологизмы со значением «Платки и способы их повязывания (ношения)» в русских говорах Мордовии // Десятые Поливановские чтения : сб. ст. по материалам докл. и сообщ. (Смоленск, 4–5 окт. 2011 г.). Смоленск : Маджента. С. 61–65.
- Балалыкина Э. А., 1985. Основные типы значений в именных существительных // Русское словообразование. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 184 с.
- Бастракова Е. А., 2016. Девербативы и девербативные обороты в лингводидактическом аспекте // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. № 5–5. С. 11–13.
- Бологова Е. В., 2003. Изограмматическая деривация в сфере отглагольных существительных // Язык образования и образование в языке. Великий Новгород : Изд-во Новгор. ун-та. С. 14–15.
- Бромлей С. В., Булатова Л. Н., 1972. Очерки морфологии русских говоров. М. : Наука. 448 с.
- Булин П. В., 1970. О соотносительности имен действия с коррелятивными по виду глаголами в контексте // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Т. 471. С. 93–100.
- Виноградов В. В., 1986. Русский язык : (Грамматическое учение о слове). М. : Высш. шк. 614 с.
- Востоков А. Х., 1831. Русская грамматика. СПб. : Тип. И. Глазунова. 449 с.
- Галуза О. Ю., 2013. Отглагольные дериваты в системе говоров Приамурья // Слово : фольклор.-диалектол. альм. : материалы науч. экспедиций. Благовещенск : Изд-во АмГУ. Вып. 10. С. 22–27.
- Горелова И. В., 1974. Отглагольные существительные с суффиксом *-тва* в древнерусском языке // Вопросы словообразования и лексикологии : сб. ст. / редкол. : Р. И. Аванесов (отв. ред.) [и др.]. М. : Наука. С. 23–40.
- Долженко Н. Г., 2005. Имя действия в системе событийной лексики: пересеканность глагольной и именной лексики // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. Вып. 2, № 11. С. 105–110.
- Егорова Е. Н., 2009. Девербативы как субстантивные формы глагола : дис. ... канд. филол. наук. Тамбов. 244 с.
- Казakov В. П., 1982. О сочетаемости отглагольных существительных с относительными прилагательными // Русский язык в школе. № 4. С. 82–85.
- Колесов В. В., 1989. Древнерусский литературный язык. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та. 296 с.
- Крысин Л. П., 1998. Категория абстрактности и ее отражение в языке // Русский язык в школе. № 1. С. 21–27.
- Лопатин В. В., 1977. Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. № 3. С. 45–53.
- Мочалова Т. И., 2008. Названия кушаний в русских говорах Мордовии // Материалы по русско-славянскому языкознанию : сб. ст. / редкол. : В. И. Собинникова (науч. ред.) [и др.]. Воронеж : Изд-во ВГУ. Вып. 29. С. 295–303.
- Мочалова Т. И., 2010. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб. : Нестор-История. С. 397–403.
- Петров А. В., 1983. О залоговой семантике в отглагольных существительных русского языка // Исследование лексической и грамматической семантики современного русского языка. Симферополь : Изд-во СГУ. С. 26–34.
- Пешковский А. М., 1956. Русский синтаксис в научном освещении. М. : Учпедгиз. 511 с.
- Потебня А. А., 1958. Из записок по русской грамматике. В 4 т. Т. 1–2. М. : Просвещение. 536 с.

- Свердлов Л. Г., 1962. Отглагольные существительные на *-ние* (*-ение*), *-тие* в русском литературном языке XVIII в. : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Андиган. 24 с.
- Хохлачева В. Н., 1969. К истории отглагольного словообразования существительных в русском литературном языке нового времени. М. : Наука. 152 с.
- Якимова Л., 1966. Из наблюдений над отглагольными существительными в современном русском языке // Русский язык в школе. № 5. С. 5–12.

ИСТОЧНИК

- СРГРМ – Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. Ч. I–II / отв. ред. Р. В. Семенкова. СПб. : Наука, 2013. 1560 с.

REFERENCES

- Azarkh Yu.S., 1984. *Slovoobrazovanie i formoobrazovanie sushchestvitelnykh v istorii russkogo yazyka* [Word-Formation and Formation of Forms of Nouns in the History of Russian]. Moscow, Nauka Publ. 247 p.
- Akimova E.N., 2006. *Realizatsiya kategorii obuslovlennosti v yazyke pamyatnikov pismennosti russkogo srednevekovya (XI–XVII vv.)* [Realization of Conditioning Category in the Language of Medieval 11th–17th c. Russian Written Manuscripts]. Saransk, Izd-vo Mordovskogo universiteta. 240 p.
- Akimova E.N., 2011. Dialektnye frazeologizmy so znacheniem «Platki i sposoby ikh povyazyvaniya (nosheniya)» v russkikh govorakh Mordovii [Dialect Phraseological Units with the Meaning “Shawls and Ways of Tying Them (Wearing)” in Russian Dialects of Mordovia]. *Desyatye Polivanovskie chteniya: sb. st. po materialam dokl. i soobshch. (Smolensk, 4–5 okt. 2011 g.)* [Tenth Polivanov Readings. Collection of Articles Based on the Proceedings (Smolensk, October 4–5, 2011)]. Smolensk, Madzhenta Publ., pp. 61–65.
- Balalykina E.A., 1985. Osnovnye tipy znacheniy v imennykh sushchestvitelnykh [The Main Types of Meaning in Naming Nouns]. *Russkoe slovoobrazovanie* [Russian Word Formation]. Kazan, Izd-vo Kazanskogo universiteta. 184 p.
- Bastrakova E.A., 2016. Deverbativy i deverbativnye oboroty v lingvodidakticheskom aspekte [Deverbatives and Deverbative Structures in Lingvo-Didactic Aspect]. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 5-5, pp. 11–13.
- Bolotova E.V., 2003. *Izogrammaticheskaya derivatsiya v sfere otglagolnykh sushchestvitelnykh* [Isogrammatic Derivation of Verbal Nouns]. *Yazyk obrazovaniya i obrazovanie v yazyke* [Language of Education and Education in Language]. Veliky Novgorod, Izd-vo Novgorodskogo universiteta, pp. 14–15.
- Bromley S.V., Bulatova L.N., 1972. *Ocherki morfologii russkikh govorov* [Essays on Morphology of Russian Dialects]. Moscow, Nauka Publ. 448 p.
- Bulin P.V., 1970. O sootnositelnosti imen deystviya s korrelyativnymi po vidu glagolami v kontekste [About Correlation of Action Nouns with Correlative Verbs in a Context]. *Uchenye zapiski Leningradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. A.I. Gertsena*, vol. 471, pp. 93–100.
- Vinogradov V.V., 1986. *Russkiy yazyk: (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammar Theory of a Word)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 614 p.
- Vostokov A.Kh., 1831. *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Saint Petersburg, Tipografiya I. Glazunova. 449 p.
- Galuzha O.Yu., 2013. Otglagolnye derivaty v sisteme govorov Priamurya [Verbal Derivatives in Dialects of Amur River Region]. *Slovo: folklor-dialektol. alm.: materialy nauch. ekspeditsiy* [Word: Folklore-Dialectal Almanac. Materials of Scientific Expeditions]. Blagoveshchensk, Izd-vo AmGU, iss. 10, pp. 22–27.
- Gorelova I.V., 1974. Otglagolnye sushchestvitelnye s suffiksom -tva v drevnerusskom yazyke [Verbal Nouns Ending with -tva in Old Russian Language]. *Voprosy slovoobrazovaniya i leksikologii: sb. st.* [Issues of Word Formation and Lexicology: Collected Articles]. Moscow, Nauka Publ., pp. 23–40.
- Dolzhenko N.G., 2005. Imya deystviya v sisteme sobytynoy leksiki: peresekaemost glagolnoy i imennoy leksiki [Name of Action in a System of Event Lexics: Intercrossing of the Noun and Verb Lexics]. *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics], iss. 2, no. 11, pp. 105–110.
- Egorova E.N., 2009. *Deverbativy kak substantivnye formy glagola: dis. ... kand. filol. nauk* [Deverbatives as the Substantive Forms of Verbs. Cand. philol. sci. diss.]. Tambov. 244 p.
- Kazakov V.P., 1982. O sochetaemosti otglagolnykh sushchestvitelnykh s otnositelnymi prilagatelnyimi [On Combination of Verbal Nouns and Relative Adjectives]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 4, pp. 82–85.

- Kolesov V.V., 1989. *Drevnerusskiy literaturnyy yazyk* [Old Russian Literary Language]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo universiteta. 296 p.
- Krysin L.P., 1998. Kategoriya abstraktnosti i ee otrazhenie v yazyke [The Category of Abstractiveness and Its Reflecting in the Language]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 1, pp. 21-27.
- Lopatin V.V., 1977. Prefiksallyno-suffiksallynye otglagolnye imena i ikh sinkhronicheskie slovoobrazovatelnye svyazi [Prefix-Suffix Verbal Names in Synchronic Word Formation Links]. *Nauchnye doklady vysshey shkoly. Filologicheskie nauki* [Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education], no. 3, pp. 45-53.
- Mochalova T.I., 2008. Nazvaniya kushaniy v russkikh govorakh Mordovii [Nomination of Food Dishes in Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Materialy po russko-slavyanskomu yazykoznaniiyu: sb. st.* [Materials on Russian-Slavic Linguistics. Collected Articles]. Voronezh, Izd-vo VGU, iss. 29, pp. 295-303.
- Mochalova T.I., 2010. Naimenovaniya domashnykh zhivotnykh v russkikh govorakh Respubliki Mordoviya [Nomination of Domestic Animals in Russian Dialects of the Republic of Mordovia]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2010* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2010]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., pp. 397-403.
- Petrov A.V., 1983. O zalogovoy semantike v otglagolnykh sushchestvitelnykh russkogo yazyka [About Voice Semantics of Verbal Nouns of the Russian Language]. *Issledovanie leksicheskoy i grammaticheskoy semantiki sovremennogo russkogo yazyka* [Research of Lexical and Grammatical Semantics of the Modern Russian Language]. Simferopol, Izd-vo SGU, pp. 26-34.
- Peshkovskiy A.M., 1956. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian Syntax in Scientific Aspect]. Moscow, Uchpedgiz. 511 p.
- Potebnya A.A., 1958. *Iz zapisok po russkoy grammatike. V 4 t. T. 1-2* [From the Notes on Russian Grammar. In 4 Vols. Vol. 1-2]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 536 p.
- Sverdlov A.T., 1962. *Otglagolnye sushchestvitelnye na -nie (-enie), -tie v russkom literaturnom yazyke XVIII v.: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Verbal Nouns Ending with -nie (-enie), -tie in Russian Literary Language of the 18th c. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Andijan. 24 p.
- Khokhlacheva V.N., 1969. *K istorii otglagolnogo slovoobrazovaniya sushchestvitelnykh v russkom literaturnom yazyke novogo vremeni* [On the History of Verbal Nouns Word Formation in Russian Literary Language of Modern Times]. Moscow, Nauka Publ. 152 p.
- Yakimova L., 1966. *Iz nablyudeniya nad otglagolnymi sushchestvitelnymi v sovremennom russkom yazyke* [From Observation of Verbal Nouns in Modern Russian]. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian Language at School], no. 5, pp. 5-12.

SOURCE

Slovar russkikh govorov na territorii Respubliki Mordoviya. Ch. I-II [Dictionary of Russian Dialects on the Territory of the Republic of Mordovia. Part I-II]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 2013. 1560 p.

Information About the Authors

Elvira N. Akimova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology and Cross Cultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Tatiana I. Mochalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Bolshevistskaya St., 68/1, 430005 Saransk, Russia, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>

Информация об авторах

Эльвира Николаевна Акимова, доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, akimovaen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0883-2173>

Татьяна Ивановна Мочалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, ул. Большевикская, 68/1, 430005 г. Саранск, Россия, mochalova2014@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1369-2985>